

ЭТНОЛОГИЯ

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

Институт проблем освоения Севера СО РАН,
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026, РФ
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com;
whitebird4@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНАЯ И ПОМИНАЛЬНАЯ ПИЩА В СЕВЕРОСЕЛЬКУПСКОМ ЗАХОРОНЕНИИ XIX в.: ОПЫТ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Дана интерпретация археологических и палеоэкологических источников, полученных в ходе раскопок селькупского захоронения XIX в. в могильнике Кикки-Акки в верховьях р. Таз, в сопоставлении их с этнографическими данными. Исследование выполнено с целью изучения в исторической динамике таких элементов погребального обряда северных селькупов, как традиция приготовления пищи для покойного и поминальная тризна. Выбор конкретного погребения обусловлен уникальностью и необычно хорошей сохранностью органических материалов, что позволило детально представить состав погребального и поминального блюда. Для атрибуции археологических данных привлекались сведения из этнографической литературы и архивных документов, а также материалы собственного полевого этнографического исследования погребальной обрядности верхнетазовских селькупов (2013). Проведенный анализ позволил определить вероятный набор блюд погребальной и поминальной пищи из захоронения, форму и содержание ритуальных действий, а также рассмотреть их в культурно-историческом контексте. Установлено, что наиболее близкие аналогии ритуалу изучаемого погребения имеются в материалах XVI–XVII вв. по южным селькупам и восточным хантам либо в этнографических данных по хантам отдаленных территорий, не граничащих с бассейном р. Таз. Южноселькупский и хантыйский «след» в похоронно-погребальной обрядности, по нашей версии, фиксирует культурные компоненты, сыгравшие ключевую роль в складывании локальной общности верхнетазовских селькупов. Закопанные поверх могилы костные остатки богатой поминальной тризны являются примечательной особенностью рассматриваемого погребения, свидетельствующей о давнем происхождении значительной вариативности североселькупской похоронно-погребальной обрядности.

Ключевые слова: Западная Сибирь, этноархеология, северные селькупы, погребальный обряд, ритуальная пища.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-127-136

Введение

В статье предложена интерпретация археологических и палеоэкологических источников, полученных в результате раскопок селькупского захоронения XIX в. в могильнике Кикки-Акки в верховьях р. Таз, в сопоставлении их с этнографическими данными. Исследование выполнено с целью изучения в исторической динамике таких элементов погребального обряда северных селькупов, как традиция приготовления пищи для покойного и поминальная тризна. Соответственно конкретными задачами исследования являлись комплексный анализ привлеченных источников информации, а также предложение обоснованных версий трактовки остатков пищи (блюд) и ритуальных действий. Для этого нами были использованы доступные сведения из опубликованных и неопубликованных письменных источников, а также материалы полевого этнографического исследования погребальной обрядности верхнетазовских селькупов, проводившегося в 2013 г. параллельно с археологическими работами.

Выбор материалов именно вышеуказанного погребения обусловлен уникальностью и необычно хорошей сохранностью находившихся в нем остатков органических материалов, давших детальное, максимально полное представление о составе погребального и поминального блюда. Палеоэкологическому анализу находок посвящено специальное исследование, в результате которого определены ингредиенты, их примерное количество и некоторые особенности приготовления ритуальной пищи [Пошехонова и др., 2015].

Актуальность настоящего исследования возрастает в связи с тем, что археологические и палеозоологические материалы по северным селькупам обнаружены впервые и его результаты могут способствовать решению проблемы происхождения значительной вариативности похоронно-погребальной обрядности верхнетазовских селькупов, проявляющейся, в частности, в параллельном сосуществовании принципиально разных типов захоронений, устройства погребальных конструкций, набора ритуальных действий и т.д.

Целесообразно указать используемую в работе терминологию. Тризна — ритуальный прием пищи, связанный с похоронно-погребальной обрядностью. Соответственно поминальная тризна — пир в честь покойного, совершаемый непосредственно до, во время или после похорон, а поминальная пища — употребляемые в ходе поминок продукты. Погребальная (заупокойная) пища — продукты, составлявшие часть погребального инвентаря и предназначавшиеся «в дорогу» умершему либо для предков (см. также: [Арутюнов, 1989, с. 137]).

Археологические и палеозоологические материалы

Погребение № 2 расположено на окраине некрополя, функционировавшего с XVII в. в верхнем течении р. Таз, в устье р. Коральки (Красноселькупский р-н ЯНАО) [Пошехонова, 2015]. Могильник находится около современного п. Киккиакки. Есть веские основания полагать, что в XVIII–XIX вв., а возможно, и ранее здесь располагался центр Караконской волости — станок Караконская [Адаев, 2014, с. 124–127], отмечавшийся на географических картах с конца XVIII в. по 1914 г. Этот пункт упоминается и в русских документах конца XVIII в., скорее всего именно его описывал Г.Ф. Миллер, сообщая об остячком поселке близ устья р. Корыльки, где русские казаки принимали ясак (см. подробнее: [Там же]). Можно полагать, что в могильнике захоронены его жители — караконские остяки, как их называли русские в XVII–XIX вв. Физическое сходство захороненных людей с современными северными селькупками подтверждается антропологическими и одонтологическими наблюдениями [Пошехонова и др., 2015b].

На сегодняшний день исследовано 6 из 17 грунтовых захоронений могильника, совершенных по обряду ингумации в неглубоких ямах. Два из них (№ 1 и 2), располагавшихся параллельно на расстоянии 1–1,2 м друг от друга, относятся к XIX в., остальные — к XVII — началу XVIII в.

Остатки погребальной и поминальной пищи обнаружены только в могиле № 2, которая на уровне дневной поверхности фиксировалась в виде овальной западины (2,6×1,2 м, глубина 0,26–0,30 м), окруженной невысокой обваловкой. На материке к востоку от границы захоронения зафиксированы остатки кострища, полностью перекрытые выбросом из могилы; вероятно, на нем происходило приготовление ритуальной пищи. После расчистки перекрытий и выборки заполнения могильной ямы ее размеры составили 0,9×2,25 м, глубина в материке (от верхней границы подзола) 0,6 м. Она имела прямоугольную форму с четкими углами, отвесные стенки и плоское дно.

В погребении сразу под лесной подстилкой удалось проследить фрагменты верхнего дощатого перекрытия — четыре доски длиной около 2,2 м, которые располагались горизонтально вдоль продольной оси ямы, полностью накрывая ее. Под дощатым перекрытием был зафиксирован костеносный слой, представленный спрессованными остатками вперемешку с грунтом: чешуей и костями рыб (275), костями млекопитающих (25) и птиц (93). Его мощность в центральной части составила 12 см, а границы не достигали краев могильной ямы. Эти кости представляют собой остатки тризны — поминальной пищи, съеденной участниками обряда. То есть, тризна закончилась ближе к концу процесса погребения, а в финале засыпанные грунтом кости закрыли досками. В скоплении представлены два варианта расположения остатков: а) кости и чешуя, залегавшие вперемешку, беспорядочно; б) кости рыбьих голов и чешуя, сохранившие анатомическое расположение (повидимому, в могилу были положены отчлененные рыбы головы с кожей и неочищенной чешуей). Два варианта залегания остатков указывают на наличие как минимум двух разных рыбных блюд, приготовленных для тризны. При этом найдены только целые кости.

В результате палеозоологических исследований [Пошехонова и др., 2015a] установлено, что участники поминок ели в основном рыбу (налим — 55 % от общего числа костей рыбы, щука — 36 %, язь — 2 %, муксун и плотва — по 1 %, рыба семейства карповых — 3 %, вид не определен — 1 %). Определить общее количество особей рыбы не удалось. Ели также мясо боровой птицы (не менее 9 взрослых и, возможно, 1–2 молодые особи глухаря, отдельные части тела тетерева), белой куропатки и уток (части тел свиязи, шилохвости, обыкновенного гоголя). Находки костей молодых птиц позволили предположить, что охота на них велась в конце лета (август). Кроме этого, употреблялось мясо белок (не менее двух особей) и северного оленя (одна особь). Остатки щуки представ-

лены в основном костями головы, северного оленя — элементами задней конечности, от остальных видов присутствуют кости всех отделов скелета.

Под костеносным слоем отмечено еще одно перекрытие — сосновая плаха длиной 1,87 м, шириной 0,41 м, толщиной 0,05–0,08 м, располагавшаяся горизонтально вдоль длинной оси захоронения. Ниже заполнение представлено однородным мешаным песком мощностью 13–17 см, залегающим на берестяном многослойном полотнище, края которого находились на стенках ямы и прилегающей к погребению материковой поверхности. Береста покрывала костные останки мужчины 35–45 лет, лежавшие в колоде сигаровидной формы, выдолбленной из цельного ствола сосны (2,13×0,62, высота стенок 13–15 см). На дне могилы колода была закреплена четырьмя кольями, расположенными парами по периметру, друг напротив друга.

Почти полный костяк лежал вытянуто, на дорсальной поверхности, черепом на юго-восток. На нем сохранились многочисленные украшения одежды, обуви и прически. У мужчины была длинная коса (обнаружены черные волосы), декорированная семью перстнями, кольцом, парой восьмерковидных подвесок и бисерным изделием. Справа от черепа зафиксированы отдельные угольки, слева от нижней челюсти найден железный развилчатый срезень, а на нем кольцо из медно-свинцово-оловянного сплава, завернутое в ткань. В нижней части корпуса расчищены остатки небольшой сумочки (кисета?), расшитой бисером и двумя стеклянными плоскими каплевидными бусинами. По обе стороны от берцовых костей отмечены остатки кедровых колчанов со стрелами (17 справа и 18 слева) с железными наконечниками, направленными на северо-запад, к ногам. Судя форме, это селькупские долбленные охотничьи колчаны корытообразной формы с крышкой.

В ногах, слегка в наклон к центру колоды, был поставлен котелок из оловянной бронзы, диаметром около 17 см, с идеально сохранившейся сосновой ложкой внутри, накрытый берестяной крышкой [Пошехонова и др., 2015а, с. 166, рис. 1]. В нем зафиксированы объекты, определенные нами как остатки погребальной пищи, положенной умершему. Содержимое котелка визуально представляло собой щепочки, деревянную труху, кости и чешую рыб, но в основном органические остатки черного цвета, покрывавшие тонким слоем его дно и стенки. Кости рыб в большинстве случаев были повреждены, фрагментированы, сломы истончены и как бы оплавлены. Такое их состояние не являлось следствием тафономических процессов, а скорее могло быть связано с особенностями приготовления блюда. В результате палеоэкологических исследований определен состав содержимого котелка [Там же]. Там находились плотва, язь, возможно, и другая рыба семейства карповых, причем отмечены кости всех отделов скелета (черепа, туловища и конечностей-плавников). Кроме этого, обнаружены раздробленные косточки черемухи с плодоножками, семена ягод брусники и семена дикорастущей травы, щепочки березы и осины, кусочки бересты и опилки кедра с корой, а также кусочки мяса (поперечнополосатой мышцы). Признаки, указывающие на принадлежность мышцы к определенному классу или группе животных (птицы, млекопитающие или рыбы), не зафиксированы. Количественное соотношение предполагаемых продуктов: много рыбы и/или мяса, черемухи и бересты, единично брусника, дикорастущая трава и кусочки древесины.

Археологические аналогии

В отсутствии сравнительных данных по погребальной и поминальной пище северных селькупов в XIX в. обратимся к археологическим материалам по восточным хантам Среднего Приобья, северным хантам, южным селькупам, а также тюркам Причулымья. Ввиду малого количества информации по могилам XIX в. расширим хронологические рамки поиска до XVI–XIX вв.

В захоронениях южных селькупов XVIII–XIX вв. посуда зафиксирована в единичных случаях, она предназначалась лишь для «окуривания» могильных сооружений и площадок [Боброва, Воробьев, 2005; Боброва, 2007]. Для могильников хантов Юганского Приобья и Обдорского Севера этого времени, наоборот, отмечено массовое присутствие в погребениях посуды: устанавливали ее обычно в области ног покойного, иногда перевернутой, встречается утварь и в верхней части заполнения могил [Рындина и др., 2008; Семенова, 2001; Мурашко, Кренке, 2001]. Однако сведений о погребальной пище в ней нет.

В Нарымском Приобье в могильниках южных селькупов вплоть до XVII в. посуда встречается довольно часто, она представлена керамическими сосудами [Боброва, 1994] и/или металлическими котлами [Кондрашов, 2002; Дульзон, 1953; Боброва, 1994; и др.]. Однако сведения о наличии в этой посуде погребальной пищи отсутствуют. Исключением является описание содержимого медного котла из погребения 3 кургана 13 Балагачевского могильника XVI–XVII вв.,

раскопанного А.П. Дульзоном и соотносимого им с чулымскими тюрками [Дульзон, 1953]. В котле зафиксировано «значительное количество зерен, по-видимому, ячменя» и остатки рыбы, по определению Б.Г. Иоганзена — семейства карповых. Найдены чешуя на коже, кости туловища и плавники. А.П. Дульзон отмечает, что в могильниках у д. Тургай и Балагачево «пищу в виде мяса животных в могилу, по-видимому, не клали, об этом свидетельствует отсутствие костей животных» [Там же, с. 145]. Иногда упоминается о нахождении в посуде или под ней «жертв-прикладов». Так, в могильниках Пыль-Карамо I и Балагаческом были найдены кусочки шкуры оленя, неопределимые фрагменты меха, перо птицы и снятая чулком шкурка водоплавающей птицы [Кондрашов, 2002; Дульзон, 1953].

Л.М. Терехова и К.Г. Карачаров отмечают, что на территории Среднеобской низменности в погребениях XI — середины XIII в. среди остатков пищи в медных котлах были обнаружены косточки ягод, кедровые орехи, кости рыб и птиц [1994, с. 286]. В захоронениях второй половины XIII — XV (XVI) в., которые они относят к хантыйским, остатки пищи продолжали складывать в котлы; в них также ставили берестяные и деревянные изделия. Исследователями зафиксированы и находки целых костей животных: череп лошади в засыпи одной из могил, длинные кости ноги и остатки черепа северного оленя рядом с погребенным — в другой [1994, с. 287–288]. Однако подробного описания погребальной пищи в этих захоронениях они не приводят.

В могильнике Моховая XLVI, оставленном представителями одной из групп восточных хантов, населявших земли Бардакова княжества в XVII в. [Стефанов, 2002], в верхней части заполнения могилы 15 был найден неполный скелет взрослого северного оленя, кости располагались не в анатомическом порядке. Трубчатые кости и некоторые фаланги были расколоты, на позвонках следы порубов, нижняя челюсть разбита [Там же, 2002, с. 203]. Вероятно, это остатки съеденной поминальной пищи.

Остатки тризн известны в могильниках XV–XVII вв. Федоровском и на Осиновской гриве в Нарымском Приобье. Они размещались на погребенной почве под насыпями курганов и представляли собой многочисленные обожженные фрагменты керамики, кости и чешую рыб [Боброва, 1994, с. 296].

Многие исследователи отмечают, что в большинстве случаев южные селькупы и ханты вещи, необходимые покойному для жизни в ином мире (еду, посуду, оружие, нож, топор, огниво и пр.), в позднесредневековое время клали в могилу или рядом [Боброва, 1994, с. 303, 306, 310; Терехова, Карачаров, 1994, с. 286–289; Дульзон, 1953, с. 142, 193; Семенова, 2001; и др.]. К концу XIX в. их стали располагать под могильным сооружением, в нем или рядом с ним, а также на деревьях или шестах [Пелих, 1972; Боброва, 1994].

Таким образом, привлеченные в качестве аналогий материалы из могильников XVI–XVII вв. Западной Сибири свидетельствуют, что погребальная и поминальная пища в это время состояла из ягод, орехов, рыбы, мяса птицы и млекопитающих. Ее помещали в емкость (или клали без нее) в погребальное сооружение рядом с покойным. Достоверно установить, были это приготовленные блюда или сырые продукты, невозможно из-за скудности информации. Сведений о ритуальной пище в погребениях XVIII–XIX вв. нами не обнаружено, поэтому можно лишь констатировать наличие и расположение посуды в захоронениях. Остатки тризн, представленные костями рыб и млекопитающих (лошадь, олень), в этот период обнаруживаются рядом с могилами или в засыпи погребений.

Малое количество информации о таком важном элементе погребального обряда, как еда для покойного и поминальная пища, по-видимому, обусловлено не только плохой сохранностью остатков, но и недостаточным вниманием исследователей к этому аспекту. К тому же в силу специфичности археологические материалы не всегда позволяют достоверно различать поминальные, погребальные и жертвенные комплексы, поэтому часто они рассматриваются суммарно. В связи с этим объяснить информационную лагуну отсутствием погребальной и поминальной пищи в захоронениях или рядом с ними нельзя [Дульзон, 1953, с. 145].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что рассматриваемые данные по составу заупокойной и поминальной пищи из захоронения № 2, а также ее расположению имеют больше сходства с материалами по южным селькупам и восточным хантам более раннего периода, нежели с синхронными по тем же группам. То есть, эта составляющая обряда, выполненного в ходе похорон мужчины, выглядит архаичной для XIX в.

Этнографические аналогии и интерпретации

В первую очередь нами привлекались аналогии из этнографии северных и южных селькупов, а также тесно контактировавших с верхнетазовскими селькупами хантов (прежде всего ваховских), кетов и западно-сибирских эвенков. Из этого ряда выпадает соседнее ненецкое (энецкое) население. Отсутствие существенных культурных заимствований в погребально-поминальной обрядности у родственников по языку самодийцев объясняется их длительными междуособными конфликтными отношениями. Далее представлены варианты трактовки блюд погребальной и заупокойной пищи и интерпретации ритуальных действий.

Трапеза блюд. Состав погребальных и поминальных блюд может быть соотнесен с повседневной селькупской пищей, с учетом, однако, того, что при ритуальных действиях обычно использовались самые ценные продукты. Среди них наиболее часто фигурировали оленина, хлеб и алкоголь. Мясо других животных, рыба и пр. также могли использоваться, но торжественная трапеза ассоциировалась именно с употреблением оленины — крайне редкой пищи для тазовских селькупов в XIX — начале XX в. Из отчета тазовского священника, 1902 г.: «*Питаются рыбою в разном виде, мясом разных добытых зверьков, очень редко оленим; последним лишь тогда, когда олень очень сильно заболел или вовсе издохнет*» [ГАКК, ф. 667, оп. 1, д. 104, л. 2 об.].

Для селькупов были типичны разнообразные способы приготовления мяса и рыбы — их употребляли в вареном, вяленом и копченом виде. Рыбу также квасили и запекали на огне на палочках (*чолсы*), нередко употребляли сырой, особенно зимой. Селькупы не готовили блюда, в которых бы смешивалось мясо птиц или млекопитающих и рыбы вместе. В котелке находилось, скорее всего, не одно блюдо, а набор из нескольких продуктов. Основной составляющей была рыба, порезанная на куски. Немаловажно, что кости в большинстве случаев повреждены, а их сломы истончены. Фрагменты костей достаточно крупные, что исключает вариант с блюдами в виде рыбной муки, «порсы» (см. подробнее: [Селькупы..., 2013, с. 156–157]). Версия, что такое состояние костей связано с длительной термической обработкой, возможна, но выглядит маловероятной, поскольку для северного населения была в обычае непродолжительная варка рыбы — по сути, она часто употреблялась в полусыром виде. Учитывая наличие среди содержимого емкости ягод брусники, можно предположить, что это была квашеная рыба. В прошлом селькупы квасили рыбу, перекладывая ее слоями ягод (клюквой, брусникой, морошкой) [Прокофьева, 1956, с. 673]. Истонченное состояние костей как следствие процедуры квашения выглядит логичным.

Раздробленность косточек черемухи тоже хорошо согласуется с материалами этнографии: сушеную черемуху селькупы толкли и использовали для выпечки лепешек, иногда смешивая с мукой. Подтвердить или опровергнуть присутствие муки в данном случае нельзя, так как в ходе термической обработки мука растворяется и остатки ее со временем разлагаются. Ягоды брусники могли быть и ингредиентом лепешек. Еще одно популярное блюдо селькупов, в которое могла входить брусника, — вареная икра, смешанная с ягодами [Ириков, 2002, с. 82–83].

Можно резюмировать, что в котелке находился набор разных видов пищи в небольшом количестве: рыба (квашенная с брусникой или вареная), крупный кусок мякоти мяса (или рыбы) и выпечка из дробленой черемухи (возможно с добавлением муки и начиненная брусникой). Брусника также могла быть в качестве дополнения к вареной икре и самостоятельного продукта. Присутствие в котелке кусочков бересты и фрагментов древесины, скорее всего, случайно.

Что касается атрибуции продуктов поминальной тризны, то нахождение только целых костей указывает на вероятное употребление продукта, приготовленного при щадящем режиме термической обработки. Это полностью соответствует предпочтениям селькупов в еде — мясо и рыбу традиционно потребляли полусырыми, а иногда в сыром виде.

В ходе тризны ели мясо тех видов рыб, птиц и животных, которые на протяжении известного исторического времени добывались и использовались в пищу северными селькупами. При этом рыба традиционно является основой питания тазовских селькупов, мясо водоплавающей и боровой птицы обычно в употреблении, но составляет меньшую долю рациона. Исключением был осенний сезон, когда охотничий промысел мясного направления достигал наивысшей интенсивности (подробнее о рационе селькупов: [Селькупы..., 2013, с. 153–162]). В рамках селькупской традиции, зафиксированной в XX в., добыча молодняка птицы, а также «невыходной» белки в августе, когда пищевые ресурсы довольно надежно пополняются благодаря рыболовству, воспринималась бы как грубое нарушение экологической этики. Это предполагает, что в XIX в. промысловый запрет на летнюю охоту у селькупов отсутствовал или был по какой-то причине сознательно нарушен.

Беличье мясо обычно употреблялось в пищу таежным населением Западной Сибири, известно оно и у селькупов по материалам этнографии XX в. [Ириков, 2002, с. 80]. В XIX в. и ранее, когда случаи голода были привычны в верховьях Таза, белка, скорее всего, являлась распространенной пищей. Напротив, крайне редкой, а потому особо ценной едой у селькупов в XIX в. считалась оленина. Это подтверждается скромным объемом остатков оленя относительно массового количества частей других животных. По нашей версии, мясо животных и птицы участники тризны, скорее всего, ели в отваренном виде. Наиболее вероятными основными рыбными блюдами представляются: а) рыба слегка отваренная (очищенная) и б) запеченная на костре (с чешуей).

Пища в котелке, трактовка ритуала. С закреплением у тазовских селькупов христианских традиций к началу XX в. заупокойную пищу перестали класть в могилу (см.: [Прокофьева, 1977, с. 73]). Одним из объяснений, почему в более ранний период ее иногда помещали к покойному, а в других нет, может быть пожелание самого усопшего (предсмертное или полученное в результате обряда гадания). Так, у современных тазовских селькупов в предсмертном обращении человек определяет, например, место и способ своего захоронения [ГМ Адаева, 2013]. В этом же логическом ряду сообщение Г.И. Пелих, что у южных селькупов умирающий иногда сам наказывал, какие вещи отправить с ним в могилу [1972, с. 67].

Примеры возможного оставления небольшого количества пищи в могиле фиксируются и у соседей северных селькупов — западно-сибирских эвенков [Кулемзин, 1994, с. 361] и ваховских хантов [Кулемзин, Лукина, 2006, с. 145]. Во всех известных случаях, когда пища клалась прямо в могилу, речь идет лишь о небольшом ее объеме. Ваховские ханты объясняли малые подношения опасением, что при большом количестве даров мертвый может забрать к себе еще кого-нибудь из живых [Лукина, 2005, с. 325].

В целом ситуация с оставленным в могиле XIX в. котелком с едой имеет больше сходства с этнографически зафиксированными традициями ближайших соседей северных селькупов, чем с традициями их южных сородичей. Так, относительно количества еды Г.И. Пелих отмечает, что у южных селькупов в могилу с покойником клали запас еды на 4–5 дней, предпочтительным продуктом считалось мясо. В рамках другой локальной традиции действовало правило, чтобы заупокойная и погребальная пища была только рыбной [1972, с. 62, 67–68].

Костеносный слой, трактовка ритуала. Факт погребения большого количества остатков поминальной тризны в верхней части могилы выглядит необычным ввиду отсутствия этнографических аналогий с территории Верхнего Таза и прилегающих ареалов. Как у северных, так и у южных селькупов тризну обычно проводили рядом с могилой, тут же готовили и съедали пищу, а остатки помещали недалеко от погребения, на ближайших деревьях, или сжигали [Пелих, 1972, с. 62; Прокофьева, 1977, с. 71–72]. У захоронения могли также оставлять непогребенные тела домашнего оленя или собаки. Кстати, археологические данные свидетельствуют о появлении в рассматриваемом регионе традиции оставлять пищу и жертвенных животных на поверхности лишь с конца XIX в. [Боброва, 1994, с. 312]. Вероятно, это было обусловлено постепенным восприятием христианских правил, строго регламентирующих состав предметов, помещаемых с телом покойного.

По данным полевого исследования у тазовских селькупов в 2013 г., традиционным и желательным при похоронах взрослого человека было забивание в честь него жертвенного оленя. Он обычно использовался для доставки покойного к кладбищу, там животное душили, мясо варили в котлах на костре рядом с могилой и здесь же ели (аналогичные сведения приводит Е.Д. Прокофьева по результатам исследований 1920–1960-х гг., она также указывает, что в бедных семьях оленя могли забивать дома, а на кладбище привозили лишь часть туши [1977, с. 72]). Обращает на себя внимание комментарий селькупов, что уносить еду с поминальной трапезы у могилы категорически не допускалось: «*Бывало, съедали пол-оленя и пол-оленя оставляли. Только шкуру забираем*» [ГМ Адаева, 2013]. Несъеденное мясо с костями оставляли близ могилы, но не закапывали, а обычно сжигали или помещали на окрестные деревья. Не отмечены случаи закапывания остатков тризны и у западно-сибирских эвенков и кетов [Долгих, 1961, с. 104; Кулемзин, 1994, с. 362].

Наиболее близкие аналогии ритуалу из погребения XIX в. находим у хантов. М.Б. Шатилев в 1920-е гг. описал традицию ваховских хантов закапывать поверх могилы погребальный инвентарь (без еды), покрытый сверху берестой [2000, с. 186–187]. Аналогичный пример прикапывания поверх могилы, но уже не предметов, а пищи отмечен у северных хантов во второй полови-

не XIX — начале XX в.: закапывалась вареная оленина, уложенная на оленью шкуру, а иногда и накрытая ею. Причем данные действия совершались не на каждом погребении [Карьялайнен, 1994, с. 94].

Каковы возможные причины закапывания продуктов именно поверх могилы и почему это делалось не всегда? Во-первых, исходя из информации М.Б. Шатилова можно предполагать постепенный процесс отдаления погребального инвентаря и атрибутов поминальной тризны от тела покойного. Вариации обряда могли быть связаны с этапом формирования новых правил. Во-вторых, не исключено, что многочисленные костные останки с погребения № 2 предназначались не самому покойному (его пища находилась в котелке). Представления о том, что вместе с покойным можно передавать какие-то предметы для других умерших, отмечены, например, у северных хантов. Поводом к этому мог стать сон, в котором умерший сообщал, чего конкретно ему не хватает [Там же, с. 93]. Наконец, обильная поминальная трапеза с закапыванием ее остатков на могиле могла быть особым пожеланием самого покойного. Выскажем даже гипотезу о возможном выполнении просьбы человека, умершего голодной смертью. О частом жестоким голоде среди «*инородцев, кочующих вверх по реке Тазу*», по причине их крайней бедности упоминается во многих документах XIX в. (1817–1821, 1862, 1878 г. и др.), авторами которых были вахтеры хлебных магазинов, чиновники и священники [ГАКК, ф. 117, оп. 1, д. 1388, л. 71; см. также: ф. 397, оп. 1, д. 89, л. 6–6 об.; ф. 467, оп. 1, д. 10, л. 9–9 об.]. Например, в переписке Турханского земского исправника за 1819 г. сообщалось, что «*на Тазу у церкви нисколько хлеба не имеется; от чего, и по малому улову рыбы, Тымской и Караконской волости остяки претерпевают голод*» [Там же, ф. 117, оп. 1, д. 1388, л. 71].

Выводы

Исследование позволило определить вероятный набор блюд погребальной и поминальной пищи из североселькупского захоронения, форму и содержание ритуальных действий, а также рассмотреть их в культурно-историческом контексте. Близкие аналогии ритуалу изучаемого погребения встречаются в материалах XVI–XVII вв. по южным селькупам и восточным хантам либо в этнографических данных по хантам отдаленных территорий, не граничащих с бассейном р. Таз. Зафиксированный южноселькупский и хантыйский «след» в похоронно-погребальной обрядности, по нашей версии, отражает культурные компоненты, сыгравшие ключевую роль в складывании локальной общности верхнетазовских селькупов. Закопанные поверх могилы костные остатки богатой поминальной тризны являются примечательной особенностью рассматриваемого погребения, свидетельствующей о давнем происхождении значительной вариативности североселькупской похоронно-погребальной обрядности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1388; Оп. 1. Д. 89; Оп. 1. Д. 10; Оп. 1. Д. 104.
Полевые материалы В.Н. Адаева. Красноселькупский р-н, 2013 г.

Литература

- Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: Межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 124–132.
- Арутюнов С.А. Пища // Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1989. Вып. 3: Материальная культура. С. 134–138.
- Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 293–322.
- Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск: ИТУ, 2007. 176 с.
- Боброва А.И., Воробьев А.А. К вопросу об участии российских переселенцев в сложении нарымских селькупов в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. № 5. С. 163–171.
- Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. 1961. № 3. С. 102–112.
- Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Уч. зап. ТГПИ. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.
- Ириков С.И. Хозяйство и материальная культура тазовских селькупов // Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. С. 39–118.

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

- Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов. Томск: ИТУ, 1994. Т. 1. 152 с.
- Кондрашов А.Н.* Материалы исследований грунтового могильника Пыль-Карамо I и поселения Усть-Порос на севере Томской области // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: ИТУ, 2002. С. 63–69.
- Кулемзин В.М.* Западносибирские эвенки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 360–363.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв.: Этнографические очерки. Тюмень: Мандр. и Ка, 2006. 208 с.
- Лукина Н.В.* Ханты от Васюганья до Заполярья. Т. 2: Средняя Обь. Вах. Кн. 1. Томск: ИТУ, 2005. 352 с.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.* Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. М.: Наука, 2001. 155 с.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск: ИТУ, 1972. 424 с.
- Пошехонова О.Е.* Новые данные о верхнетазовских селькупках XVII–XIX веков // IV Сев. археол. конгр.: Материалы. Екатеринбург, 2015. С. 200–202.
- Пошехонова О.Е., Афонин А.С., Кисагулов А.В. и др.* Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов по данным палеоэкологических исследований // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 4. С. 163–172.
- Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А.* Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. № 4. С. 88–99.
- Прокофьева Е.Д.* Селькупы // Народы Сибири. М.; Л.: Наука, 1956. С. 665–686.
- Прокофьева Е.Д.* Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1977. С. 66–79.
- Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И.* Ханты Салымского края: Культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: ИТУ, 2008. 412 с.
- Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Кочелова и др.* Томск: Изд-во ТПУ, 2013. 318 с.
- Семенова В.И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 269 с.
- Стефанов В.И.* Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ИТУ, 2002. Вып. 1. С. 164–210.
- Терехова Л.М., Карачаров К.Г.* Раннее и развитое средневековье. Среднеобская низменность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: ИТУ, 1994. С. 284–288.
- Шатилов М.Б.* Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 288 с.

O.E. Poshekhonova, V.N. Adaev

Institute of Problems of Development of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Malygin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: poshehonova.olg@gmail.com;
whitebird4@yandex.ru

BURIAL FOOD AND FUNERAL FEAST REMAINS FROM A NORTHERN SELKUP GRAVE OF 19TH CENTURY: THE EXPERIENCE OF ETHNOARCHAEOLOGICAL ANALYSIS

The article deals with an attempt to interpret archaeological and paleoecological sources obtained during the excavation of a Selkup grave in an ancient burial ground situated in the upper river Taz area (Yamal-Nenets Autonomous District, Russia), by comparing them with ethnographic data. The goal of the paper is to examine historical dynamics of these components in the funeral ritual of the Northern Selkups during the 19th century as traditional preparation of burial food and the funeral feast process. The choice of this particular archaeological site relates to the unique and unusually well-preserved remains of organic materials in the grave that gave a most detailed and complete picture of the composition of the burial food and the funeral feast. In order to interpret the archaeological data we have used information from published ethnographical sources and archival documents as well as materials from the ethnographic field research of funeral traditions of the Selkups of the Upper Taz river, held in 2013 simultaneously with archaeological work. The study made it possible to determine not only probable burial food and funeral feast food of the Northern Selkup burial but also the form and the content of the ritual practice, and to present them in the cultural and historical contexts. As a matter of fact, it was concluded that the closest analogies to the ritual of the studied object are found in earlier archaeological data associated with the Southern Selkups and Eastern Khanty (16–17th centuries) and in ethnographic sources on the Khanty from remote areas which are not directly adjacent to the Taz River basin. The clearly appeared trace of the Southern Selkups and Khanty in the funeral ritual, in our opinion, marks cultural components which played a key role in formation of the Selkup local community of the Upper Taz river. Bones and food scraps of the abun-

dant funeral feast buried on top of the grave are a notable feature of the studied Selkup burial sites which indicate the ancient origin of considerable variability of the Northern Selkup's funeral ritual.

Key words: Western Siberia, ethnoarchaeology, Northern Selkups, funeral ritual, ritual food.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-127-136

REFERENCES

- Adaev V.N., 2014. Sel'kupy Verkhnego Taza: Mezhhkul'turnye svyazi i puti soobshcheniia s naseleniem sosednikh rechnykh basseinov v XVIII–XX vv. [Selkups of the Upper Taz river: Intercultural contacts and routes of communication with the population of the neighboring river basins in 17–20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 124–132.
- Arutiunov S.A., 1989. Pishcha [Food]. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov*, 3, Material'naia kul'tura, Moscow: Nauka, pp. 134–138.
- Bobrova A.I., 1994. Narymskoe Priob'e i Prichulym'e [Narym Trans-Ob and Chulyum river areas]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronnyi, Tomsk: ITU, pp. 293–322.
- Bobrova A.I., 2007. *Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika)* [Selkups in the 18–19th centuries (according to the data of the Tiskinsky burial complex)], Tomsk: ITU, 176 p.
- Bobrova A.I., Vorob'ev A.A., 2005. K voprosu ob uchastii rossiiskikh pereselentsev v slozhenii narymskikh sel'kupov v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. [On the question of participation of Russian migrants in the genesis of the Narym Selkups at the end of the 18th — first half of 19th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5, pp. 163–171.
- Dolgikh B.O., 1961. O pokhoronnom obriade ketov [On the Kets funeral ritual]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 3, pp. 102–112.
- Dul'zon A.P., 1953. Pozdnie arkheologicheskie pamiatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniia chulymskikh tatar [Late archeological monuments of Chulyum river and the question of origin of Chulyum Tatars]. *Uchenye zapiski TGPI*, vol. 10, Tomsk, pp. 127–334.
- Irikov S.I., 2002. Khoziaistvo i material'naia kul'tura tazovskikh sel'kupov [Economy and material culture of the Taz Selkups]. *Tazovskie sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury*, St. Petersburg: Filial izd-va «Prosveshchenie», pp. 39–118.
- Karjalainen K.F., 1994. *Religiia iugorskikh narodov* [Religion of Yugra peoples], vol. 1, Tomsk: ITU, 152 p.
- Kondrashov A.N., 2002. Materialy issledovaniia gruntovogo mogil'nika Pyl'-Karamo I i poseleniia Ust'-Poros na severe Tomskoi oblasti [Data of the research of the Pyl'-Karamo I burial complex and Ust'-Poros settlement in the North of Tomsk region]. *Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri*, Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, pp. 63–69.
- Kulemzin V.M., 1994. Zapadnosibirskie evenki [Evenks of Western Siberia]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronnyi, Tomsk: ITU, p. 360–363.
- Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Vasiugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX — nachale XX vv.: Etnograficheskie ocherki* [Vasugan-Vakh Khanty at the end of the 19th — first half of the 20th century: Ethnographic essays], Tyumen: Mandr i Ka, 2006. 208 p.
- Lukina N.V., 2005. *Khanty ot Vasiugan'ia do Zapoliar'ia* [Khanty from Vasugan river area to polar region], vol. 2: Sredniaia Ob'. Vakh, Tomsk: ITU, 352 p.
- Murashko O.A., Krenke N.A., 2001. *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke* [The culture of indigenous people of Obdorsk North in the 19th century], Moscow: Nauka, 155 p.
- Pelikh G.I., 1972. *Proiskhozhdenie sel'kupov* [Origins of the Selkups], Tomsk: ITU, 424 p.
- Poshekhonova O.E., 2015. Novye dannye o verkhnetazovskikh sel'kupakh XVII–XIX vv. [New data on the Selkups of the Upper Taz river, 17–19th centuries. IV Severnyi arkheologicheskii kongress: Materialy, Yekaterinburg, pp. 200–202.
- Poshekhonova O.E., Afonin A.S., Kisagulov A.V. et al., 2015. Nekotorye elementy pogrebal'nogo obriada severnykh sel'kupov po dannym paleoekologicheskikh issledovaniu [Some elements of the Northern Selkup funeral ritual according to the paleoecological studies]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 163–172.
- Poshekhonova O.E., Zubova A.V., Alekseeva E.A., 2015. Kraniologiya, odontologiya i rekonstruktsiia vneshnego oblika severnykh sel'kupov po materialam mogil'nika Kikki-Akki [Craniology, ododntology and reconstruction of Northern Selkup appearance on the data of the Kikki-Akki burial complex]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 4, pp. 88–99.
- Prokof'eva E.D., 1977. Nekotorye religioznye kul'ty tazovskikh sel'kupov [Some religious cults of the Taz Selkups]. *Pamiatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa*, Leningrad: Nauka, pp. 66–79.
- Prokof'eva E.D., 1956. Sel'kupy [Selkups]. *Narody Sibiri*, Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 665–686.
- Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Iu.I., 2008. *Khanty Salym'skogo kraia: Kul'tura v arkheologo-etnograficheskoi retrospektive* [Khanty of Salym region: Culture in archaeological and ethnographic retrospective view], Tomsk: ITU, 412 p.

О.Е. Пошехонова, В.Н. Адаев

Semenova V.I., 2001. *Srednevekovye mogil'niki Iuganskogo Priob'ia* [Medieval burial complexes of the Yugan Trans-Ob area], Novosibirsk: Nauka, 269 p.

Stefanov V.I., 2002. Mokhovaia XLVI — pozdnesrednekovyi mogil'nik Surgutskogo Priob'ia [Mokhovaia XLVI — a late medieval burial complex of the Surgut Trans-Ob area]. *KhMAO v zerkale proshlogo*, 1, Tomsk; Khanty-Mansiysk: ITU, pp. 164–210.

Terekhova L.M., Karacharov K.G., 1994. Rannee i razvitoe srednevekov'e. Sredneobskaia nizmennost' [Early and High Middle Ages. The Middle Ob' lowland]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri*, vol. 2: Mir real'nyi i potustoronni, Tomsk: ITU, pp. 284–288.

Tuchkova N.A., Glushkov S.V., Kosheleva E.I. et al., 2013. *Sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury i sel'kupskogo iazyka* [Selkups: Essays on traditional culture and Selkup language], Tomsk: ITU, 318 p.

Shatilov M.B., 2000. *Vakhovskie ostiaki: Etnograficheskie ocherki* [Vakh Khanty: Ethnographic essays], Tyumen: Izd-vo Iu. Mandriki. 288 p.